

name="Пауло Коэльо. Заир">

Пауло Коэльо

ЗАИР

Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?

Лк 15: 4 Когда встанет время отплыть в Итаку — Помолись, чтоб долгим был путь, И он будет мирным — Потому что киклоп, лестригоны, Скилла Не в морях, а в твоей душе. Долгий путь, Светлые заводи феаков, Щедрые причалы финикийн, Мудрые беседы египтян, А Итака — вдали, Ждущая тебя старцем, Просветленным, умудренным, богатым, Ибо лишь для нее, Каменистой, убогой, скудной. Ты поплыл стать таким, как стал. [\[1\]](#)

Констинтинос Кавафис (1863-1933)

Посвящение

В машине я сказал, что завершил первый вариант моей книги — вот этой самой книги. А когда начали подъем на одну из гор в Пиренеях — на ту, которую оба считали священной и где нам случалось проживать необыкновенные минуты, — добавил: «Разве тебе не интересно узнать, о чем эта книга, как она называется?» Интересно, ответила ты, но боюсь спросить, хотя, когда узнала, что ты завершил работу, обрадовалась — очень обрадовалась.

И я сказал тогда, о чем эта книга и как она называется. Мы продолжали путь в молчании. Вокруг, слетая к нам с верхушек голых, лишенных листвы деревьев, шумел ветер, и от этого дуновения гора снова явила нам свое могущество, показала свою магию.

Потом пошел снег. Я остановился и вгляделся в это мгновение — в падающие хлопья, в свинцовое небо, в лес и в тебя рядом. Ты была рядом со мной, ты всегда рядом со мной.

Я хотел сказать тебе об этом, но решил дожждаться, когда ты в первый раз перелистаешь эти страницы. Эту книгу я посвящаю моей жене — тебе, Кристина.

Автор

По утверждению писателя Хорхе Луиса Борхеса, понятие Заир связано с традицией ислама и возникло в XVIII веке. По-арабски оно означает нечто видимое, присутствующее, то, что не может остаться незамеченным. То, что, войдя однажды с нами в контакт, будет мало-помалу занимать все наши мысли до тех пор, пока не вытеснит все остальное. Это можно

счесть святостью — или безумием.

Фобур Сен-Пер, «Энциклопедия фантастики», 1953

Я — свободен

Она: Эстер, военная корреспондентка, только что вернувшаяся из Ирака, где в любой миг могут начаться боевые действия. Тридцать лет. Замужем, детей нет.

Он: личность не установлена. По виду — 23-25 лет. Волосы темные, монголоидный тип лица.

В последний раз обоих видели в кафе на улице Фобур Сент-Оноре.

Полиция располагает сведениями о том, что они встречались и раньше, хотя остается неизвестным, сколько раз. Эстер всегда говорила, что этот человек — она называла его Михаил, но едва ли это его настоящее имя — очень важен для нее, хотя никогда не поясняла, в каком смысле: в профессиональном или в личном.

Начато расследование. Рассматриваются версии: похищение с целью выкупа, похищение и последующее убийство, что совершенно не удивительно, если учесть, что в силу своих профессиональных обязанностей, то есть для получения информации, Эстер неоднократно приходилось вступать в контакт с представителями террористических организаций. Установлено, что в течение нескольких недель, предшествующих ее исчезновению, она регулярно снимала со своего текущего счета значительные суммы денег. Можно предположить, что это связано с оплатой предоставляемых ей сведений. Вещи и одежда оставлены, но паспорт, как ни странно, не обнаружен.

Он: неизвестный, очень молод, нигде не зарегистрирован, никаких следов или примет, могущих установить его личность.

Она: Эстер, две международных премии по журналистике, тридцати лет, замужем.

Моя жена.

Меня тут же взяли под подозрение и задержали — поскольку я отказываюсь сообщить, где находился в день ее исчезновения. Но вот надзиратель открывает дверь камеры и сообщает, что я — свободен.

Почему же я свободен? Да потому что в наши дни всем все про всех известно, стоит лишь запросить информацию, как ее вам предоставят — где мы расплачиваемся кредитными карточками, где бываем, с кем спим. А в моем случае все еще проще: некая журналистка, подруга Эстер, разведенная — стало быть, может без проблем сообщить о наших с ней близких отношениях, — узнав, что меня арестовали, с готовностью подтвердила мое алиби. Она предоставила неоспоримые доказательства того, что была со мной в день исчезновения моей жены.

Я разговариваю с комиссаром — он возвращает мои вещи, извиняется, сообщает, что мой скоропалительный арест был произведен на законных основаниях и что у меня не может быть причин жаловаться или подавать иск на государство. Объясняю, что и в мыслях такого не держу, ибо знаю — любой и каждый находится под подозрением и круглосуточным наблюдением, даже если и не совершал ничего противозаконного.

— Вы свободны, — повторяет он слова надзирателя.

А в самом деле, осведомляюсь я, не могло ли чего-нибудь случиться с моей женой? Она ведь не раз говорила, что из-за своих обширных контактов с террористическим подпольем порою чувствовала за собой слежку.

Комиссар молчит. Я настаиваю, но он ничего мне не отвечает.

Спрашиваю, может ли она ездить по миру со своим паспортом? Отчего же нет — раз она не совершила никакого преступления, то имеет право в любой момент покинуть страну или вернуться сюда.

— Значит, не исключено, что ее уже нет во Франции?

— Вы полагаете, она бросила вас из-за того, что вы ей изменили?

Это вас не касается, отвечаю я. Комиссар, секунду помолчав и посерьезнев, говорит, что мой арест был необходим — таков порядок, — но по-человечески он мне очень сочувствует. У него тоже есть жена, и, хотя ему не очень нравятся мои книги (Ах, вот как! Он, оказывается, знает, кто я! Не такой невежда, каким кажется!), легко может поставить себя на мое место и понимает, как мне трудно.

Ну, и что я должен теперь делать? Он протягивает мне свою визитку — «если что узнаете, звоните» — знаю, знаю, видел в кино, и меня это не убеждает, полицейские всегда знают больше, чем говорят.

Он спрашивает, не случилось ли мне встречать того молодого человека, с которым в последний раз видели Эстер. Отвечаю, что знаю его имя — кличку, прозвище, псевдоним, — но лично с ним не знаком.

Он спрашивает, как складывалось наше супружество. Отвечаю, что мы с Эстер — уже десять лет вместе и что проблем у нас не больше и не меньше, чем у других пар, и это обычные проблемы.

Он спрашивает — со всевозможной деликатностью, — не было ли у нас в последнее время разговоров о разводе, не собиралась ли моя жена оставить меня. Отвечаю, что эта тема не возникала вовсе, хотя — и опять же как у всех супругов — случались время от времени и споры, и ссоры.

Время от времени или часто?

Я же ясно выразился, говорю я: «Время от времени».

Он спрашивает — еще деликатней, — подозревала ли Эстер о том, что я завел роман с ее подругой. Отвечаю, что переспал с ней в первый и последний раз в жизни. Какой там роман, тут и говорить не о чем, просто день выдался какой-то хмурый, скучный, и заняться после обеда было нечем, а игра в обольщение неизменно воскрешает нас к жизни, вот мы и оказались в постели.

— Вы оказались в постели, потому что день выдался хмурый?

Меня так и тянет сказать, что вопросы подобного рода выходят за рамки

расследования, но мне надо заручиться поддержкой комиссара — и сейчас, и на будущее, — и ведь, в конце концов, невидимое учреждение под названием Банк Услуг всегда оказывалось мне очень полезно.

— Бывает. Женщина ищет сильных чувств, мужчина — приключений, и вот — пожалуйста... Наутро оба делают вид, будто ничего не произошло, и жизнь идет своим чередом.

Он благодарит, жмет мне руку, говорит, что в его мире все не так гладко. Есть и скука, и уныние, возникает и желание переспать с приглянувшейся тебе женщиной, однако воли своим чувствам давать не принято, и никто не делает того, о чем думает или чего хочет.

— Должно быть, у художников нравы куда свободней, — замечает он.

Я отвечаю, что мир, к которому он принадлежит, мне известен, но я не хочу углубляться сейчас в сравнения того, как по-разному мы с ним воспринимаем род людской. И в молчании жду, когда он сделает следующий ход.

— Кстати о свободе... вы можете идти, — говорит комиссар, немного разочарованный тем, что писатель продолжать беседу с полицейским отказывается. — Теперь, после личного знакомства с вами, прочту ваши книги: я сказал, что они мне не нравятся, но, по правде говоря, я их не читал.

Не в первый и, надо думать, не в последний раз слышу я эту фразу. Что ж, по крайней мере, у меня появился еще один читатель. Прощаюсь и выхожу.

Итак, я — свободен. Из тюрьмы выпустили, жена исчезла при загадочных обстоятельствах, на службу к такому-то часу приходить не надо, я общителен, знаменит, богат, и если Эстер в самом деле меня бросила, ей очень скоро отыщется замена. Я — свободен и независим.

Но что есть свобода?

Мне следовало бы понимать смысл этого слова, потому что большую часть своей жизни я был свободы лишен. С детства отстаивал я свободу, добивался ее как самого главного сокровища. Боролся с родителями, которые хотели, чтоб я стал не писателем, а, например, инженером. Боролся с одноклассниками, которые с самого начала пытались сделать меня мишенью для своих мерзких шалостей, и лишь после того, как много крови было пролито из носу у них и у меня, после того, как мне частенько приходилось прятать от матери полученные в драке царапины и синяки — ибо свои проблемы каждый должен решать сам, без посторонней помощи, — овладел я искусством сносить трепку без слез. Боролся за то, чтобы получить работу, которая бы меня прокормила, и устроился в магазин скобяных изделий, чтобы избавиться от пресловутого семейного шантажа: «Мы дадим тебе денег, но ты обязан будешь делать то-то и то-то».

Боролся — хоть и не одолел в этой борьбе — за девочку, которую любил в отрочестве и которая любила меня; в конце концов она поверила родителям, твердившим, что у меня нет будущего, и мы расстались.

Боролся с «агрессивной средой» журналистики: мой первый хозяин заставил меня три часа ожидать приема, а внимание на меня обратил лишь после того, как я начал рвать в клочки книгу, которую он читал: взглянув на меня с изумлением, он увидел перед собой человека, способного проявить упорство и дать отпор врагу, а эти качества совершенно необходимы хорошему репортеру. Боролся за идеалы социализма и загремел в тюрьму, вышел оттуда и продолжал бороться и чувствовал себя героем, отстаивающим права рабочего класса, — но тут услышал «Beatles» и

решил, что рок намного интересней Маркса. Боролся за любовь своей первой, и второй, и третьей жены. Боролся за то, чтобы обрести смелость расстаться с первой, со второй и с третьей, потому что любовь минувла, а я должен был идти вперед, чтобы найти ту единственную, которая явилась в этот мир для встречи со мной, — ни первая, ни вторая, ни третья ею не были.

Боролся, чтобы решиться бросить работу в газете и приняться за рискованное предприятие — начать свою книгу, зная при этом, что в моей стране литературой прожить невозможно. От этой затеи я отказался через год, сочинив больше тысячи страниц, казавшихся мне абсолютно гениальными по той причине, что даже я сам не понимал написанного.

И покуда я боролся, люди вокруг меня с жаром говорили о свободе, и чем больше защищали они это единственное в своем роде право, тем глубже увязали в рабстве — одни были рабами родителей, другие — супружеского союза, при заключении коего обещали оставаться вместе «до гробовой доски», рабами режима и строя, рабами званых обедов с теми, кого не желаешь видеть. Рабами роскоши, и видимости роскоши, и видимости видимости роскоши. Рабами жизни, которую не сами себе выбрали, но которой вынуждены были жить, ибо кто-то долго убеждал и наконец убедил их, что так будет для них лучше. И вот так тянутся для них дни и ночи, неотличимые друг от друга, и слово «приключение» можно лишь прочесть в книжке или услышать с экрана неизменно включенного телевизора, а когда оно возникает перед ними в нежданно распахнувшейся двери, говорят: «Неинтересно. Не хочу».

Да откуда ж им знать, хотят они или нет, если даже ни разу не попробовали?! Но что толку вопрошать — на самом деле они страшатся любых перемен, способных встряхнуть привычный уклад.

Комиссар сказал: «Вы свободны». Да, я свободен и сейчас, и был свободен за решеткой, потому что по-прежнему выше всего на свете ставлю свободу. Да, разумеется, это заставляло меня порой пить вино, которое приходилось мне не по вкусу, делать то, что оказывалось не по нраву и чего я впредь делать не стану; и от этого на теле моем и на душе — множество шрамов, и я сам наносил людям раны — пришло время, когда я попросил у них прощения, ибо с течением времени понял: я могу делать все что угодно, кроме одного: не дано мне заставить другого человека следовать за мной в

моем безумии, в моей жажде жизни. Я не жалею о перенесенных страданиях, я горжусь своими шрамами, как гордятся боевыми наградами, я знаю, что цена свободы высока — так же высока, пожалуй, как цена рабства, и разница всего лишь в том, что ты платишь с удовольствием, с улыбкой, пусть даже эта улыбка — сквозь слезы.

Я выхожу из дверей полицейского участка. Погожий воскресный день, но солнце не в силах разогнать мрак у меня на душе. Мой адвокат поджидает меня на улице с букетом в руке, со словами утешения на устах. Он говорит, что обзвонил все больницы, все морги (каждый из нас поступает таким образом, когда кто-то из близких не возвращается домой к определенному часу), но Эстер не обнаружил. Говорит, что благодаря его стараниям журналисты не пронюхали, где я сижу. Еще говорит, что нам следует обсудить ситуацию, выработать стратегию, которая защитит меня от тяготеющих надо мной обвинений. Я благодарен ему за внимание, хоть и знаю, что дело вовсе не в стратегии, а просто он не хочет оставлять меня в одиночестве, потому что понятия не имеет, какой фортель я способен буду выкинуть (Напьюсь и снова попаду в полицию? Устрою скандал? Попытаюсь покончить с собой?). Отвечаю, что у меня много важных дел и что он не хуже меня знает: никаких проблем с законом не возникнет. Адвокат настаивает, я не уступаю — ведь, в конце концов, я — свободен.

Свободен. Свободен пребывать в отверженности и одиночестве.

Беру такси, еду в центр, прошу остановиться у Триумфальной арки. Иду по Елисейским полям в сторону отеля «Бристоль», где мы с Эстер пили горячий шоколад всякий раз, когда кто-нибудь из нас возвращался из-за границы. Это сделалось своего рода ритуалом — мы дома, мы погружаемся в любовь, которая нас соединяет, хотя жизнь с каждым днем все сильнее разводит по разным дорогам бытия.

Шагаю дальше. Прохожие улыбаются, дети радуются, что вдруг, в разгар, можно сказать, зимы на несколько часов нагрянула весна, плавно движется поток машин и все вроде бы в порядке, если не считать одного обстоятельства — никто в этом городе не знает, или делает вид, что не знает, или это просто никому не интересно, что я только что потерял жену. Что же они, в самом деле не понимают, как мне тяжело?! Все должны испытывать печаль и сострадание к человеку, чья душа кровоточит от любви, а они продолжают смеяться, они по-прежнему барахтаются в своих

мелких и никчемных жизнях, ликуя оттого, что настал уик-энд.

Забавная мысль: у многих из тех, кто идет мне навстречу, тоже душа в ключьях, а я не знаю, почему или как они страдают.

Захожу в бар купить сигарет, и бармен отвечает мне по-английски. Захожу в аптеку за любимыми мятными пастилками, а девушка за стойкой говорит со мной по-английски. А ведь в обоих случаях я обращался к ним по-французски. Неподалеку от моего отеля меня останавливают двое парней — только что из Тулузы, — они ищут нужный им магазин, расспрашивают всех подряд, но никто не понимает, что они говорят. Что случилось? За сутки, проведенные мною в камере, на Елисейских полях сменился язык?

Индустрия туризма и деньги способны творить чудеса, но как же я не замечал этого раньше? Видимо, дело в том, что мы с Эстер давно уже не пили горячий шоколад в этом отеле, хотя много раз уезжали и возвращались. Всякий раз оказывалось, что есть более важное дело. Всякий раз на это время назначена бывала встреча, которую отменить невозможно. Ничего, любимая, в следующий раз мы непременно выпьем нашего шоколаду, возвращайся поскорей, ты ведь знаешь, как важно для меня это интервью, я не могу встретить тебя в аэропорту, возьми такси, мой сотовый включен, звони, если что-нибудь срочное, а если нет — вечером увидимся дома.

Мобильник! Я достаю его из кармана, нажимаю кнопку, и он сразу же начинает звонить, и от каждой трели у меня замирает сердце, и на дисплее я читаю имена тех, кому я нужен, но не соединяюсь ни с кем. Господи, хоть бы высветилось «абонент не установлен», и тогда я пойму, что это ты, потому что мой номер знают человек двадцать, не больше, и они клятвенно пообещали никому его не передавать. Нет, не высветилось — все это номера друзей или коллег. Должно быть, хотят узнать, что случилось, чем помочь (чем? и как?), не надо ли мне чего-нибудь.

А телефон звонит. Ответить? Встретиться с кем-либо из этих людей?

Нет. Пока не пойму, что происходит, останусь один.

Я вхожу в «Бристоль». Эстер, помнится, всегда говорила, что это — один из немногих парижских отелей, где к клиентам относятся как к гостям, а не как к бездомным бродягам. Со мной здороваются сердечно и приветливо, я

выбираю столик напротив красивых часов, слушаю пианиста, гляжу в сад за окном.

Следует рассуждать здраво, рассмотреть варианты. Жизнь продолжается. Велика важность — жена бросила!

Не я первый, не я последний. Но отчего же это случилось в такой ясный день, когда люди на улицах улыбаются, дети что-то распевают, весна подает о себе первые весточки, солнце светит и водители тормозят перед «зеброй»?!

Беру салфетку. Все, что крутится в голове, я сейчас распишу по пунктам на бумаге. Сантименты — в сторону, надо определиться. Итак:

А. Допустим, что Эстер в самом деле похищена и ее жизни грозит опасность. Я — ее муж, ее спутник в горе и радости, должен горы свернуть, но отыскать жену.

Ответ: она забрала свой паспорт. А кроме него — о чем полиции не известно — кое-что из мелочей и футляр с изображениями своих святых: она всегда возит его с собой, когда уезжает. И сняла деньги со счета.

Вывод: к отъезду она готовилась.

Б. Допустим, что Эстер поверила в какое-то обещание, то есть позволила заманить себя в ловушку.

Ответ: она много раз попадала в опасные ситуации — они были частью ее работы. Но всегда предупреждала меня об этом, поскольку я был единственным человеком, которому она могла доверять полностью и безоговорочно. Она сообщала, где будет, с кем намерена встретиться (чтобы не ставить меня под удар, чаще всего, правда, называла условное имя) и что мне надлежит делать в том случае, если к такому-то сроку не вернется.

Вывод: она не предполагала встречаться ни с кем из своих информаторов.

В. Допустим, что Эстер встретила другого мужчину.

Ответ: нет ответа. Но из всех прочих гипотез только эта имеет значение. И

я не могу принять ее, не могу поверить, что моя жена вот так взяла да ушла, даже не сказав, почему уходит. Мы с нею всегда гордились тем, что все трудности встречаем вместе. Страдаем, мучаемся, но никогда не врем друг другу — хотя, по правилам игры, просто не упоминаем наши увлечения на стороне. Да, я заметил, что после знакомства с этим Михаилом она сильно переменилась, но это еще не повод рвать десятилетние супружеские узы.

Ну, пусть даже влюбилась в него, переспала с ним, но неужели, прежде чем решиться на такой бесповоротный шаг, она не положила на другую чашу весов все, что мы пережили вместе, все, чего достигли? Она была вольна ездить по всему миру, она была окружена солдатами, изголодавшимися по женщине, и я никогда ни о чем ее не спрашивал, а она ничего не говорила. Мы оба были свободны и гордились этой свободой.

Однако же Эстер исчезла. Исчезла, оставив тайный, мне одному видимый знак: «Я ушла».

Почему?

Стоит ли отвечать на этот вопрос?

Нет. Ибо в самом вопросе уже скрыта моя неспособность удержать рядом с собой любимую женщину. Стоит ли разыскивать ее, чтобы убедить вернуться? Умолять, выклянчивать еще один шанс для нашего брака?

Какая нелепость — уж лучше страдать, как страдал я раньше, когда те, кого я любил, бросали меня. Страдать и зализывать раны. Сколько-то времени я буду неотступно думать об Эстер, буду упиваться горечью, буду раздражать своих друзей тем, что говорить со мной можно только об этом. Я буду пытаться объяснить, оправдать случившееся, буду по минутам вспоминать жизнь, проведенную рядом с нею а потом приду к выводу, что она поступила со мной жестоко, тогда как я старался изо всех сил. Появятся другие женщины. На улице в каждой встречной мне будут мерещиться черты Эстер. Я буду страдать днем и ночью, ночью и днем. И так будет продолжаться неделями, месяцами, и займет, наверно, чуть больше года.

Но вот в одно прекрасное утро я проснусь и поймаю себя на том, что думаю о другом, и пойму — худшее позади. Рана в сердце, сколь бы тяжелой ни была она, затянется, ко мне вернется способность постигать красоту

жизни. Так бывало раньше, так, я уверен, произойдет и на этот раз. Недаром сказано: «Если один уходит, то для того, чтобы дать место другому» — и я вновь встречу любовь.

А пока можно посмаковать мой новый статус — ведь я теперь холостяк-миллионер. Могу ухаживать за кем пожелаю, никого не стесняясь. Могу вести себя на вечеринках так, как никогда прежде не позволял себе. Слухом земля полнится, и уже очень скоро многие женщины — юные и не первой молодости, богатые и не очень, умные или, по крайней мере, достаточно образованные для того, чтобы сказать то, что, по их мнению, мне приятно будет услышать, — постучат в мою дверь.

Хочу верить, что это прекрасно — быть свободным. Снова быть свободным. Готовиться к встрече с истинной любовью, с любовью на всю жизнь, с той, кто ждет меня и никогда не заставит вновь пережить нынешнее унижение.

Допиваю шоколад, смотрю на часы, сознавая, что рановато еще предаваться приятному ощущению того, что я снова составляю часть человечества. На мгновение я тешу себя мечтой о том, что Эстер вот сейчас появится в дверях, пройдет по этим дивным персидским коврам, молча сядет рядом, закурит, устремит взгляд за окно, сожмет мою руку. Проходит полчаса, полчаса я верю в только что выдуманную мной историю, а потом понимаю, что это — очередная игра воображения.

Я решаю домой не возвращаться. Подхожу к стойке портье, прошу дать мне номер, зубную щетку, дезодорант. Отель переполнен, но управляющий ухитряется предоставить мне прекрасный «люкс» с видом на Эйфелеву башню. Крыши Парижа. Светятся окна — семьи собираются за воскресным обедом. Ко мне возвращается ощущение, испытанное не так давно на Елисейских полях — чем прекрасней все вокруг, тем более отверженным я себя ощущаю.

Никакого телевизора. Никакого ужина. Я сижу на террасе и окидываю мысленным взором свою жизнь, — жизнь человека, который с юности мечтал стать знаменитым писателем, а потом вдруг увидел, что реальность разительно отличается от мечты: он пишет на языке, на котором почти никто не читает, ибо в его стране, как утверждают, вообще нет читателей. Родители настаивают, чтобы он поступил в университет («да не все ли равно, сынок, в какой — лишь бы получить диплом, а без диплома ты в жизни не пробьешься»). Он бунтует, становится хиппи, странствует по свету, встречает некоего музыканта, пишет тексты для его песен и неожиданно начинает зарабатывать куда больше своей сестры, которая слушалась папу с мамой и стала инженером-химиком.

Я сочиняю новые и новые стихи, певец пользуется все большим успехом, покупаю несколько квартир, ссорюсь с певцом, но это уже не страшно — у меня достаточно денег, чтобы несколько лет прожить не работая. Первый брак: жена старше меня: я многому учусь у нее — и тонкостям секса, и английскому, и тому, что утро может начинаться далеко за полдень. Но дело

кончается разводом, ибо, по ее мнению, я — «существо эмоционально незрелое и не пропускаю ни одной грудастой девчонки». Женюсь во второй, потом в третий раз — я доверяю этим женщинам, я обретаю с ними душевное равновесие, но, достигнув того, чего хотел, сознаю, что это вожденное равновесие сопровождается тоской и скукой.

Еще два развода. И снова — свобода, вернее, ощущение свободы, ибо она — не в отсутствии обязательств, а в возможности выбирать — перед кем лучше всего эти обязательства нести.

Продолжаю искать любовь и сочинять стихи. Когда меня спрашивают, кто я, отвечаю — писатель. Когда мне говорят, что знают лишь тексты моих песен, отвечаю, что это — лишь часть моего творчества. Когда собеседник, извинившись, сообщает, что не читал моих книг, отвечаю — я работаю над неким проектом. Это ложь. На самом деле у меня есть и деньги, и связи, нет лишь одного — отваги написать книгу, ибо моя мечта с течением времени стала неосуществимой. Если я попробую и провалюсь, то не буду знать, как прожить после этого остаток жизни, так что лучше лелеять свою мечту, чем взять и своими руками загубить ее.

Однажды я давал интервью некой журналистке — ее интересовало, как это так получается, что мое творчество известно по всей стране, а меня не знает никто, ибо «светился» в СМИ только мой певец. Она была красива, умна, немногословна. Вскоре мы опять встретились на какой-то вечеринке, и, раз уж она была «не при исполнении», я попытался в тот же день затащить ее в постель. Я влюбился, а она считала, что я — «под дозой». Отказ. Телефон неизменно оказывается занят. Чем упорней она сопротивляется, тем сильнее меня к ней влечет. И вот наконец мне удастся уговорить ее провести со мной уик-энд в моем загородном доме (бунтарь, изгой, паршивая овца, однако же единственный из всех моих друзей обзавелся к тому времени подобием виллы).

Трое суток мы провели с глазу на глаз. Смотрели на море, я стряпал, она рассказывала мне всякие забавные случаи из своей журналистской практики и вот в конце концов влюбилась в меня. Вернулись в город, она стала регулярно ночевать у меня. Как-то утром она ушла раньше обычного, а вернулась со своей пишущей машинкой: с этого дня, без объяснений и признаний, мой дом стал превращаться в ее дом.

Пошли обычные и привычные споры и ссоры — как и всем ее предшественницам, ей хочется стабильности, верности, а я вечно ищу приключений и новых неизведанных ощущений. Но на этот раз наша связь оказалась длительной, и все же спустя два года мне показалось, что наступило время ей перевезти обратно свою машинку и все прочие вещи.

— Думаю, это будет правильно.

— Но ведь ты меня любишь, и я тебя люблю. Разве не так?

— Не знаю. Если спросишь, хорошо ли мне с тобой, я отвечу: «Да». Но если спросишь, смогу ли я жить без тебя, я отвечу то же самое.

— Я никогда не жалела, что не родилась мужчиной, мне нравится быть женщиной. В конечном счете все, чего вы требуете от нас, это умение сносить готовит. А вот мы требуем от мужчин всего, всего решительно — чтобы добычу приносил, и любовником был, и защищал, и оберегал, и кормил, и чтобы при этом был человеком успешным.

— Не о том речь — я сам себя вполне устраиваю. Мне хорошо с тобой, но я уверен, что ничего из этого не получится.

— Тебе хорошо со мной, а с самим собой — не очень. Ты неустанно ищешь приключений, чтобы отвлечься от чего-то важного. Тебе нужно постоянно впрыскивать в кровь адреналин, ты забываешь, что в жилах должна течь кровь — и ничего больше.

— Я не отвлекаюсь от важного. Да и что, по-твоему, важно?

— Написать книгу.

— Я могу взяться за это хоть сейчас.

— Вот и возмись. Потом, если захочешь, мы расстанемся.

Ее подначка кажется мне полной чушью — я способен написать книгу в любой момент: у меня есть знакомые издатели, журналисты, люди, многим мне обязанные. Эстер боится меня потерять, этим все и объясняется. Довольно, говорю я, наши отношения подошли к концу, и речь не о том, что она считает, будто делает меня счастливым. Речь о любви.

А что такое любовь, спрашивает она. Больше получаса я распространяюсь на эту тему, а потом понимаю, что определить любовь не могу.

Что ж, говорит она, если не можешь определить, что такое любовь, попробуй написать книгу.

При чем тут книга? Что общего между книгой и любовью? Я сегодня же уйду отсюда, а она может оставаться здесь, сколько ей будет угодно. Я поживу в отеле, пока она не подыщет себе другое жилье. Отлично, говорит она, с ее стороны возражений нет, я могу идти хоть сию минуту, и не позднее, чем через месяц она отсюда съедет. Собирай чемоданы, а она пока почитает. Уже поздно, уеду завтра утром. Нет, она предлагает не тянуть и не откладывать, утром я могу потерять решимость. Ты так мечтаешь от меня избавиться, спрашиваю я. Со смехом она отвечает, что это моя инициатива. Мы идем спать, а утром мне уже не так сильно хочется уйти, я считаю, что должен все хорошенько обдумать. Эстер, однако, вовсе не считает, что вопрос исчерпан: подобные эпизоды будут повторяться, она будет несчастна и тогда в свой черед захочет бросить меня. Но только в этом случае намерение немедленно будет претворено в жизнь, и она тотчас сожжет за собой мосты. В каком смысле, спрашиваю я. Влюблюсь, заведу любовника.

Она уходит в свою редакцию, а я решаю устроить себе выходной (помимо сочинения текстов, я работаю в компании грамзаписи) и усаживаюсь за машинку. Потом встаю, листаю газеты, отвечаю на письма: сперва — на важные, а когда важных не остается — на все прочие. Записываю дела на завтра, слушаю музыку, слоняюсь по улицам моего квартала, завожу

разговор с булочником, возвращаюсь домой. День прошел, а я не сумел выдать из себя ни единой фразы. И прихожу к выводу о том, что ненавижу Эстер, которая заставляет меня делать то, что мне делать не хочется.

Вернувшись из редакции, она, ни о чем не спрашивая, уверенно говорит, что я ничего не написал, потому что взгляд у меня сегодня — такой же, как вчера.

Завтра буду работать, думаю я, но все же вечером вновь сажусь за письменный стол. Читаю, смотрю телевизор, слушаю музыку, опять возвращаюсь к машинке — и так проходят два месяца: стопа бумаги с «первой фразой» растет, а я не в силах завершить абзац.

Исчерпаны все мыслимые объяснения — в этой стране никто ничего не читает, я еще не придумал сюжет, я придумал превосходный сюжет, но пока не знаю, как следует развить его. Помимо всего прочего, я страшно занят — я сочиняю очередную статью или стихи для очередной песни. Проходит еще два месяца — и вот Эстер появляется на пороге, держа в руке авиабилет.

«Хватит, — произносит она. — Хватит притворяться, что ты занят, что ты ответственным образом относишься к своим служебным обязанностям, что все человечество нуждается в том, что ты делаешь. Улетай на время».

Я могу стать главным редактором газеты, где время от времени печатаю репортажи; а могу — президентом компании, для которой мастерю тексты — и где меня держат потому лишь, что не хотят, чтобы переманили конкуренты. Я всегда могу вернуться и заняться тем же, чем занят сейчас. А вот мечта моя больше ждать не может. Надо либо исполнить мечту, либо позабыть ее. И куда же мне лететь? В Испанию.

Разбиваю несколько стаканов, доказывая, что билеты стоят дорого, что я не могу сейчас отлучиться, что это поставит под удар мою карьеру, что потеряю партнеров, что проблема не во мне, а в наших отношениях. Если я захочу написать книгу, никто и ничто не помешает мне.

«Ты можешь, ты хочешь, однако же не пишешь, — говорит она. — А поскольку, что бы ты ни утверждал, дело все-таки в тебе, будет лучше, если какое-то время ты побудешь один».

Она показывает мне карту. Итак, я долечу до Мадрида и там сяду в автобус, который отвезет меня в Пиренеи, на границу с Францией. Там начинается проложенная еще в Средневековье дорога — путь Сантьяго: ее придется одолеть пешком. В конечной точке меня будет ждать Эстер.

А сейчас она согласна со всем, что я говорю, — и что я разлюбил ее, и что еще недостаточно прожил, чтобы посвятить себя литературе без остатка, и что думать больше не желаю о том, чтобы стать писателем, и что все это — не больше чем отроческие мечты.

Да это просто бред какой-то! Женщина, с которой я связан уже два долгих года — целая вечность для романа! — решает за меня, определяет мою жизнь, заставляет меня бросить мою работу и пешком пересечь целую страну! К такому бреду следует отнестись серьезно. И несколько дней подряд я пью и напиваюсь, причем Эстер, которая терпеть не может спиртного, пьет вместе со мной. Я делаюсь зол и раздражителен, твержу, что она просто завидует моей независимости и что эта безумная идея появилась потому лишь, что я решил ее бросить. А она отвечает, что все зародилось, когда я еще ходил в школу и мечтал стать писателем, а теперь пришла пора делать выбор — либо я одолею себя, либо до конца дней своих так и буду жениться, разводиться, рассказывать чудные истории о своем прошлом — и опускаться все больше, падать все ниже.

Само собой разумеется, я не могу допустить, что Эстер права — хоть и знаю, что это так. И чем яснее я сознаю ее правоту, тем сильнее злюсь. Она кротко сносит мои приступы — и только напоминает, что день отлета близится.

И вот однажды ночью, незадолго до вылета, она впервые отказала моим домогательствам. Я выкурил целую самокрутку с гашишем, опорожнил две бутылки вина и, так сказать, отрубился посреди комнаты. А проснувшись, понял, что достиг самого дна и теперь мне ничего не остается, как начать подъем на поверхность. И я, так гордившийся своей отвагой, сполна осознал, до чего же я трусливый, посредственный, косный человек. В то утро я разбудил Эстер поцелуем и сказал, что согласен.

Я улетел в Испанию и тридцать восемь дней шел по дороге Сантьяго. Прибыв в Компостелу, понял, что только теперь и начинается настоящее путешествие. Я решил обосноваться в Мадриде, живя на «авторские» и

сделав так, чтобы между мною и плотью Эстер пролег океан — мы еще не разведены официально и по телефону говорим регулярно и довольно часто. Это удобно — быть женатым мужчиной, знающим, что может в любой момент вернуться в супружеские объятия, и при этом пользоваться всеми прелестями полной независимости.

Я последовательно увлекся сначала ученой каталанской дамой, потом аргентинкой, мастерицей ювелирные изделия, потом девушкой, певшей в метро. Отчисления продолжают поступать — и в количестве, достаточном для привольной и праздной жизни, так что времени у меня сколько угодно, хватит и на то, чтобы написать книгу.

Но книга может подождать до завтра, потому что мэр Мадрида решил, что город должен превратиться в сплошное празднество, придумал забавный слоган — «Мадрид меня мочит», — побуждает граждан кочевать всю ночь из бара в бар, и все так забавно, так интересно, дни короткие, а ночи — долги.

И в один прекрасный день мне звонит Эстер и сообщает, что собирается ко мне: по ее словам, мы должны наконец раз и навсегда выяснить отношения. Прилет ее назначен на следующую неделю, что дает мне возможность придумать целую цепь отговорок («Еду на месяц в Португалию», — говорю я девице, которая раньше пела в метро, а теперь живет в пансионе и каждый вечер вместе со мной наслаждается мадридским весельем). Я прибираю квартиру, уничтожая малейшие следы присутствия женщины, заклинаю приятелей не проболтаться: «Сами понимаете — жена приезжает».

По трапу сходит неузнаваемая — коротко и ужасно остриженная — Эстер. Мы едем по Испании, оглядывая маленькие городки, которые так много значат для одной ночи и которые забываешь, едва покинув. Посещаем бой быков и фламенко, я веду себя как самый образцовый супруг, ибо мне хочется, чтобы у Эстер создалось впечатление, будто я все еще ее люблю. Не знаю, зачем мне это надо — может быть, потому, что в глубине души она сознает: мадридский сон когда-нибудь кончится.

Я сетую, что мне не нравится ее новая прическа, и она, спустя какое-то время обретя свой прежний облик, вновь хорошеет. До конца ее отпуска остается всего десять дней, я хочу, чтобы у нее остались приятные

воспоминания, а я останусь один в Мадриде, и все пойдет по-прежнему: коррида, дискотеки, начинающиеся в десять утра, нескончаемые разговоры об одном и том же, пьянство, женщины, и опять коррида, и опять женщины, и опять спиртное — и никаких, решительно никаких обязательств и обязанностей.

Как-то в воскресенье, по дороге в ресторанчик, открытый до утра, Эстер касается запретной темы — заговаривает о книге, которую я якобы сочиняю. Опорожнив бутылку хереса, задирая прохожих, пиная железные двери, я спрашиваю, стоило ли лететь в такую даль с единственной целью превратить мою жизнь в крошечный ад? Она молчит, но мы оба понимаем: наш брак — на грани распада. Проспав всю ночь тяжелым сном без сновидений, а утром, высказав управляющему все, что я думаю по поводу скверно работающего телефона, а горничной — насчет того, что постельное белье не меняли уже неделю, приняв бесконечный душ, призванный облегчить мне похмелье, я сажусь за машинку, чтобы всего лишь продемонстрировать Эстер: я пытаюсь, я честно пытаюсь работать.

И внезапно происходит чудо: я гляжу на эту женщину, которая только что сварила кофе, а теперь перелистывает газету, на эту женщину, в чьих глазах застыла усталая безнадежность, — молчаливую, совсем не склонную выражать свою нежность словами или ласковыми прикосновениями, заставляющую меня произносить «да», хотя мне хочется сказать «нет», побуждающую меня бороться за то, что она — с полным на то основанием — считает смыслом моего существования, отказавшуюся от повседневного общения со мной, потому что она любит меня больше, чем самое себя, отправившую меня на поиски моей мечты. Я гляжу на эту тихую юную женщину — почти девочку, — чьи глаза говорят больше, нежели любые слова, на эту женщину, боязливую в душе и неизменно отважную в поступках, умеющую любить не унижаясь, не прося прощения за то, что она борется за своего мужчину, — и вот пальцы мои начинают стучать по клавишам.

Появляется первая фраза. За ней — вторая.

И двое суток я ничего не ем и сплю только по необходимости, а слова будто сами собой появляются неведомо откуда — так бывало раньше, когда я сочинял тексты для песен, когда после бесконечных перепалок и бессмысленных разговоров мы с моим напарником-композитором вдруг

понимали: «Вот оно! Есть!» — и оставалось только занести находку на бумагу в виде слов или нот. Теперь я понимаю, что это «оно» рождается из сердца Эстер, и моя любовь воскресает: я пишу, потому что она существует, потому что перетерпела трудные дни, не жалуясь, не делая из себя жертву. И я начинаю рассказ о том единственном за все последние годы впечатлении, что по-настоящему встряхнуло меня — о пути Сантьяго.

С каждой новой страницей я все отчетливей сознаю, что мои взгляды на мир меняются. На протяжении многих лет я изучал и практиковал магию, алхимию, оккультизм; меня завораживала мысль о том, что кучка людей обладает невероятным могуществом, которым не может поделиться с остальным человечеством, ибо отдавать этот чудовищный потенциал в неопытные руки просто опасно. Я входил в тайные сообщества, был членом экзотических сект, покупал за баснословные деньги учебники и трактаты, тратил очень много времени на ритуалы и заклинания. Я то и дело переходил из одного общества в другое, гонимый мечтой найти наконец того, кто откроет мне тайны невидимого мира, и переживал горчайшее разочарование, уясняя для себя, что большинство этих людей, хоть и руководствуются самыми благими намерениями, следуют всего лишь той или иной догме и чаще всего превращаются в фанатиков, именно потому, что только фанатизм способен разрешить сомнения, беспрестанно томящие человеческую душу.

Я убедился, что многие магические ритуалы и в самом деле действуют. Однако убедился и в том, что люди, именующие себя магистрами, хранителями тайн бытия, утверждающие, что владеют техникой, позволяющей дать любому и каждому способность достичь желаемого, давно утратили связь с учением древних. Пройдя по Пути Сантьяго, общаясь с обычными людьми, открыв, что Вселенная говорит с нами на своем языке — знаками и знаменьями, — для понимания которого достаточно непредвзятым взглядом окинуть происходящее вокруг, я стал всерьез сомневаться, что оккультизм в самом деле единственный способ постижения всех этих чудес. И в книге о пройденном мною пути я заговорил об иных способах духовного роста, завершив повествование словами: «Надо всего лишь быть внимательным. Урок усваивается, когда ты готов к постижению, и, если ты обращаешь внимание на знаки и приметы, ты непременно поймешь, что необходимо для следующего шага».

Две трудные задачи стоят перед человеком — во-первых знать, когда начать, во-вторых — когда закончить.

Спустя неделю я принялся за редактуру — первую, вторую, третью. Мадрид меня больше не мочит, пришло время возвращаться, я чувствую, что цикл завершился, и остро нуждаюсь в том, чтобы начать новый. Я прощаюсь с этим городом так же, как со всем в своей жизни, — держа в уме, что в один прекрасный день смогу передумать и вернуться. Я возвращаюсь на родину вместе с Эстер, я уверен, что пора искать новую работу, но пока это не удастся (а не удастся, потому что нет необходимости), и я продолжаю править рукопись. Не думаю, что нормальному читателю будут интересны впечатления паломника, прошедшего по пути Сантьяго — трудному, но романтичному.

Прошло еще четыре месяца, и, готовясь переписать рукопись в десятый раз, я обнаруживаю, что ее нет. Впрочем, нет и Эстер. В тот миг, когда я уже готов был лишиться рассудка, на пороге с почтовой квитанцией в руке появляется моя жена. Оказывается, она отправила книгу своему бывшему возлюбленному, которому принадлежит маленькое издательство.

И бывший возлюбленный выпускает книгу в свет. В газетах — ни строчки, но несколько человек все же купили книгу. Прочли, посоветовали прочесть другим, а те — третьим. Так и пошло. Через полгода первое издание распродано. Через год книга выходит уже третьим изданием.

Я начинаю зарабатывать литературой, о чем никогда и не мечтал.

Я не знаю, сколько продлится этот волшебный сон, и решаю проживать каждый миг жизни так, словно он — последний. Тут я замечаю, что успех первой книги открывает мне дверь в тот мир, куда я так долго мечтал войти, — другие издательства намерены опубликовать мою следующую работу.

Да, но ведь я не могу каждый год проходить Путем Сантьяго — так о чем же мне писать? Боже, неужели опять начнется этот кошмар — опять сидеть за машинкой и делать все что угодно, кроме писания?! Нужно по-прежнему владеть искусством менять взгляд на мир и рассказывать о собственном опыте постижения жизни. Я пробую — иногда днем, а чаще ночью — и прихожу к выводу, что это невозможно. Но вот однажды вечером мне случайно (случайно ли?) под руку подвертывается «Тысяча и одна ночь», и одна из этих сказок кажется мне символом моей собственной жизни, помогающим постичь, кто я такой и почему так поздно принял решение, всегда ожидавшее меня. Я использую эту сказку как основу и сочиняю историю о некоем пастухе, пустившемся на поиски своей мечты — добывать сокровище, спрятанное где-то у египетских пирамид. Я пишу о любви, которая ждет его, как ждала меня Эстер, покуда я кружил по жизни.

Но теперь я уже не тот, кто мечтал кем-то стать, — я стал, я состоялся. Я — пастух, пересекающий пустыню, но где тот алхимик, который поможет мне двигаться дальше? Дописав эту книгу, я и сам не вполне понимаю, что у меня получилось — что-то похожее на волшебную сказку для взрослых, а взрослых больше интересуют войны, секс или рецепты того, как добиться власти. Тем не менее издатель соглашается, книга выходит, а читатели снова заносят ее в список бестселлеров.

Проходит три года — моя супружеская жизнь безоблачна, я занимаюсь тем, что мне по душе, появляется первый перевод, за ним — второй, и успех — медленно, но верно — приходит ко мне со всех четырех сторон света.

Переезжаю в Париж — там кафе, там писатели, там средоточие культуры. Выясняется, что ничего этого больше нет и в помине — кафе, благодаря развешанным по стенам фотографиям тех, кому обязаны они своей славой, превратились в заповедники для туристов; большинство писателей озабочены формой куда сильнее, чем содержанием, они тщатся быть оригинальными, а становятся неудобочитаемыми, ибо наводят смертельную тоску. Они варятся в собственном соку, и я узнаю любопытное выражение: «renvoyer L'ascenseur», что в переводе с французского значит «отплатить той же монетой». То есть: я хвалю твою книгу, а ты — мою, мы с тобой создаем новое культурное пространство, совершаем революцию, творим новое философское мышление, страдая оттого, что нас никто не понимает, но, в конце концов, не таков ли удел всех гениев? Да, на то он и великий художник, чтобы оставаться непонятым

своей эпохой.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)